

Истоки национализма – в насильственном отчуждении от своего². Это утверждение – сверхобобщение, которое сразу же требует после себя оговорки. Вне всякого сомнения, не всем националистам пришлось испытать такого рода лишения – у захватчиков тоже есть собственные (нередко последовательные) идеологические установки по этому поводу. Верно также и то, что националистические взгляды зародились не среди угнетенных и изгнанных: их основным источником были нувориши или те, кто пробился в высшие слои общества в Голландии, Англии и Франции в эпоху раннего Нового времени.

Однако собственно национализмом их национально-государственная политика стала позднее, когда подобные предпринимательские общества принудительно распространили свои достижения на остальной мир в XIX веке. Распространяли они

- 1 Перевод выполнен по: NAIRN T. *Faces of Nationalism: Janus Revisited*. London: Verso, 1998. Первый вариант этой работы вышел в «London Review of Books» (1994), а недавно был переиздан на сайте издательства «Verso» (www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/nairn-palestine).
- 2 Термин *dispossession*, ключевой в данном тексте, трудно поддается компактному переводу на русский. Первую часть названия книги Эдварда Саида «The Politics of Dispossession: The Struggle for Palestinian Self-Determination 1969–1994 (London: Trafalgar Square, 1994) – основную, рецензируемую здесь автором, – можно дословно перевести как «Политика выселения», по прямому значению термина. Однако Саид подразумевает под ним не только и не столько выселение, сколько отчуждение в более широком смысле, «лишение того, что считается своим» – земли, имущества, языка, культуры, социального статуса. Поэтому перевод термина по тексту не унифицирован в целях более точной передачи смысла и соблюдения лексико-синтаксической сочетаемости.

**ТЕКСТЫ САИДА
И КУЛЬТУРНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
МОДЕРНОСТИ**

прогресс, который заставил непрогрессивные общества впервые почувствовать себя приниженными в том всеобъемлющем и неизбежном смысле, который можно было считать идеологией. И именно отсюда возникла буря модернизации (с самого начала прогресс постоянно переименовывался). Остальная часть лоскутного одеяла человечества (большая его часть – в основном из-за угнетенности) не могла ни уклониться от индустриализации, ни смириться с ней на изначально предложенных имперских условиях. Результатом стал протест, стремление к модернизации «на своих условиях» – условиях тех обществ, которые существовали до того, как стремительно разбогатевшие (и вооруженные) страны взялись полностью переписывать сценарий.

Сценарий этот – иными словами, история, которая, по мнению некоторых, закончилась около 1990 года, – был подорван той самой реальностью, которую он стремился перекроить. В самом эпицентре бури царило своего рода спокойствие: ложное спокойствие, как постоянно повторяет в своих книгах Эдвард Саид, проистекавшее из высокомерия, невежества и военного превосходства. Метрополии считали прогресс самостоятельной силой, превосходившей его носителей, и полагали, что он неминуемо восторжествует, на каком бы языке его носители ни говорили. Российско-советская или англо-британская империи (к примеру) были просто средством его распространения. Однако на периферии, там, где, собственно, и располагались «зоны развития», экспансия метрополий воспринималась противоположным образом. Те, кто был у руля, видели ситуацию иначе, чем те, кто оказался под колесами. С точки зрения последних, эти «распространители» эксплуатировали прогресс с целью установления вечного господства определенной страны над другими. Их хваленое окультуривание закончится вытеснением «нас».

Вытеснение и отчуждение несут сообществам гибель. На уровне отдельных лиц, разумеется, ситуация иная. Каждый отдельный палестинец (теоретически) мог стать (или по крайней мере попытаться стать) израильянином, иорданцем, сирийцем или американцем (с этой личной дилеммой столкнулся сам Саид). Такой вариант всегда приветствовали в имперских и субимперских столицах (таких, как Тель-Авив). Но на практике это касается только образованных людей. Скрытая логика здесь такова: если интеллигенты (возмутители спокойствия) будут заняты своими (индивидуальными) делами и полностью ассимилируются в новой стране, то неинтеллектуальное большинство спустя некоторое количество времени просто исчезнет. Прежде, чем национализм изменил ситуацию, большинство известных нам этнолингвистических сообществ действительно исчезли –

ТОМ НЭРН

НЕЖЕЛАНИЕ ИСЧЕЗНУТЬ

Том НэРН (1932–2023) – шотландский политический теоретик и эссеист, автор более десяти книг об истории и политике, среди которых наиболее известны «Faces of Nationalism: Janus Revisited» (1997) и написанная в соавторстве с Полом Джеймсом «Global Matrix: Nationalism, Globalism and Terrorism» (2005).

или, точнее, «исчезли», как исчезали политические оппоненты аргентинской хунты в конце 1970-х, или как, например, пропало древнее племя пиктов с северо-востока современной Шотландии. Не так давно все указывало на то, что палестинцы тоже исчезнут. Не за горами было их «последнее небо»³, а после – небытие. Вплоть до подписания мирного соглашения в прошлом [1993] году⁴ надежды практически не было.

Национализм, помимо прочего, можно трактовать еще и как элементарное нежелание исчезать. Для большей части коллектива его существование остается единственным шансом на спасение. Поэтому «смерть» коллектива, пусть и метафорическую, очень легко воспринять с позиции личной или семейной. Несмотря на то, что многие палестинцы успешно эмигрировали, как сам Саид, для людей на Западном берегу и в секторе Газа попросту не могло найтись сразу двух миллионов индивидуальных путей отступления такого рода. Если не выживет коллективная «Палестина», то мало кому из палестинцев это удастся. Дело не в том, что национализм – это вопрос жизни и смерти (в смысле борьбы за выживание в природе), а в том, что национализм как явление глубинным образом изменил человечество и стал в его глазах таким вопросом.

Книги Эдварда Саида «The Politics of Dispossession» и «Representations of the Intellectual»⁵ можно читать как единое размышление на эту тему. Интеллектуал, который должен был эмигрировать и успешно ассимилироваться в метрополии, повернул назад и попытался взять на себя бремя тех, кто остался на родине. Бремя оказалось неподъемным. Как Саид откровенно признает на этих страницах, ноша эта слишком тяжела для него или для любого другого отдельного человека. Он стал самым известным интеллектуалом, высказывающимся от лица палестинского движения, но всегда был слишком честным и благородным для того, чтобы просто быть ее рупором. Став за тридцать лет свидетелем множества глубоко противоречивых и провальных решений, Саид не мог не подмечать и не подвергать их критике. Так что «The Politics of Dispossession» – это больше, чем просто сборник разрозненных эссе и рецензий. Эта книга читается как воспоминание о крестном пути или

3 Здесь и далее – отсылка к книге Эдварда Саида о палестинской идентичности под названием «After the Last Sky» («После последнего неба»). Название взято из стихотворения палестинского поэта Махмуда Дарвиша, где есть такие строки: «Куда нам идти после последней границы? / Куда лететь птицам после последнего неба?»

4 В 1993 году было подписано первое из двух так называемых «соглашений Осло», заключенных Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП) с целью урегулирования израильско-палестинского конфликта. 13 сентября на церемонии в Вашингтоне премьер-министр Израиля Ицхак Рабин и председатель ООП Ясир Арафат скрепили рукопожатием принятие официальной Декларации принципов о временных мерах по самоуправлению.

5 SAID E. *Representations of the Intellectual*. London: Vintage Books, 1996.

о хождении по мукам, которое в итоге оставило автора разбитым – особенно учитывая, что виновниками его страданий, как это нередко бывало, выступали «свои» же. Критика арабского национализма и палестинского парохиализма на этих страницах более сокрушительна, чем любые усилия сионистов или израильского лобби в США.

Саид страдает от острых проблем идентичности – как и все интеллектуалы-националисты. Но, поскольку он известен как человек, который следует моде, его критики не могут устоять перед искушением осыпать его дешевыми насмешками в этой связи. Пол Джонсон, к примеру, недавно написал о нем в «Sunday Times» как о «щеголе с соответствующими моде проблемами идентичности; непонятно, какой из себя Эдвард Саид на самом деле». Подразумевается, что определение собственной политической или национальной идентичности – что-то вроде позерства перед зеркалом. Это не так: на деле позером здесь является Джонсон, а не Саид.

«Мой отец в детстве продавал туристам терновые венцы у храма Гроба Господня. [...] Чуть поодаль, под выбоиной в городской стене, мы нагнулись на знаменитую кондитерскую “Zalatimo”, чье фирменное блюдо, мтаббак, издавна было любимым лакомством в нашей семье. Сморщенный старый пекарь шуровал в топке кочергой и с виду казался таким древним, будто у него еле-еле душа в теле держалась».

Как ни удивительно, Саид-старший, торговец иерусалимскими реликвиями, превратился в выдающегося модернизатора: именно он, занимаясь предпринимательством в Египте, ввел в арабскую культуру практику ведения картотек и пишущую машинку. Он понимал идентичность главным образом как то, что позволяет держать спину прямо (во всех смыслах), и его огорчала неспособность сына сохранять выправку в лучших традициях бойскаутов и каирского Колледжа Виктории⁶. Семья исповедовала греческое православие, пока в конце XIX века не обратилась в англиканство. Когда в возрасте пятнадцати лет плохая выправка юного Эдварда стала слишком уж явно выраженной, его отправили в Америку. Там он впервые увидел снег, а также был вынужден заново изобрести свою личность, поступив в пуританскую школу-интернат в Новой Англии. Несколько лет спустя он вырвался оттуда в Принстон, а затем в 1963 году подался преподавателем в Колумбийский университет в Нью-Йорке, где проработал следующие тридцать лет.

Такая биография заложила весьма необычный фундамент его идентичности. В Нью-Йорке Саиду больше всего нравится

6 Британская частная школа, где учился Эдвард Саид.

анонимность. Как ни парадоксально, идейные националисты среди интеллектуалов часто очень склонны к космополитизму: в нейтральной зоне изгнания и отчуждения они втайне (или, как в случае Саида, откровенно) чувствуют себя как дома. Это происходит потому, что сам механизм подобной идентификации (формирующий готовность стоять за свой народ и идею) запускается только на определенном расстоянии, когда личность отделяется от своей родной среды и сообщества. Нация может осознать себя – и, так сказать, заявить свои патентные права – только при посредничестве голоса другого сообщества. Но голос этот тоже адресован другим: при отсутствии внешнего, международного резонанса он не достигнет своей цели. Таким образом, те, кто формулирует и озвучивает подобные послания – интеллектуалы, – неизбежно рискуют оказаться в неоднозначном положении и подвергнуться обвинениям в предательстве с обеих сторон. Саид испытал это на себе неоднократно.

Идейные националисты среди интеллектуалов часто очень склонны к космополитизму: в нейтральной зоне изгнания и отчуждения они втайне чувствуют себя как дома.

Консервативные выходцы из метрополий – такие, как Джонсон, – любят представлять национализм изобретением интеллектуалов. Некоторая доля правды в этом есть: любая идеология, даже ретроградная, изначально должна быть сформулирована интеллигенцией, и процесс этот может затем быть превратно истолкован как умышленное вылепливание или измышление. Однако идеологии, способной потрясти весь мир, недостаточно быть просто умышленной. Если взглянуть на ситуацию глубже, то это национализм породил современных интеллектуалов, а не наоборот. Их история корнями уходит в европейские Возрождение и Просвещение; но эти эпохи лишь подготовили почву для все менее и менее евроцентричной современности, неотъемлемой частью которой является национализм.

Индустриальное развитие неизбежно привело к вопиющему неравенству. Возникшие на этой почве антагонизмы не могли остаться незамеченными; те, кто их обозревал и комментировал, нуждались в языке, способном отражать новую реальность; язык этот должен был быть одновременно народным (доступным для менее образованных слоев населения) и универсальным (сводимым к вопросам прав и общим принципам).

Он должен был выйти за пределы этнического парохиализма (а не стереть его). Ему требовалось занять новое, универсальное измерение, и ключом к этому оказался именно парадокс «национизма» (как можно было бы назвать национализм). Действовал он через националистически настроенную интеллигенцию: умников, которые (как Саид) все сильнее делали акцент на важности выбора того, что некогда лежало далеко за пределами любого сознательного выбора – идентичности.

В каком-то смысле национализм не более чем общее название для этого развивающегося языка современности. Всерьез говорить на нем Саид начал в 1967 году, после арабо-израильской Шестидневной войны – «той ужасной недели в июне», как выразился он сам; именно тогда к нему пришло более отчетливое осознание: «Я был арабом, и нас – или “нас” для большинства моих смущенных друзей – жестоко высекли». Порка эта принесла прозрение, из которого родился «Ориентализм» – самый прославленный труд Саида. Он утверждал, что империализм породил выгодную ему мифологию вокруг арабского Востока, выпестованную совместными усилиями ученых, поэтов, миссионеров, государственных деятелей и купцов-авантюристов. В результате был создан романтический образ, нередко еще более приукрашиваемый в порыве любви. Но (увы) это была любовь к благородным туземцам, какими их представляли себе смотрящие извне – к младенцам из исламского Эдема, не запятнаным атлантической скверной (включая картотеки и пишущие машинки). Обратной стороной такой любви было, разумеется, презрение, перераставшее в ненависть всякий раз, как туземцы «выходили за рамки». Ориентализм требовал от них соответствовать своей истинной, сокрытой сущности. Неспособность сделать это лишь свидетельствовала (как во время войны 1967 года) об их врожденной неприспособленности к современности: вооруженные конфликты не давались им так же, как демократия и женский вопрос.

У арабизма и антиарабизма есть кое-что общее: вера в некий панарабский дух, способный, подобно национализму, служить основой для эффективного единения народов. Поначалу Саид был готов разделить этот взгляд, но, будучи строгим и взыскательным критиком, довольно быстро в нем разочаровался. Вскоре он понял, что панарабизм ничем не лучше панэллинизма и панславизма – консервативных гипнотических идеологий, применявших риторику расовой солидарности для подавления неудобных борцов за национальную независимость, иными словами – смутьянов, особенно таких, как сам Саид. Во введении к «The Politics of Dispossession» (в одной из лучших частей книги) он рассказывает, как не смог найти арабского издателя для своего более раннего исследования, посвященного Палестине:

«Ко всему этому есть интересная сноска: после выхода “The Question of Palestine”⁷ одно бейрутское издательство обратилось ко мне с просьбой о переводе ее на арабский язык. Я согласился и мгновенно был ошарашен, когда узнал, что должен буду исключить из текста любую критику в адрес Сирии, Саудовской Аравии и так далее. Тогда я отказался, и по сей день ни одна из моих книг о Палестине не была переведена на арабский».

У его новой книги шансов на это еще меньше, если только автономия на западном берегу Иордана вдруг не накроет неожиданная волна прогресса.

Чтобы чего-то добиться, палестинскому национализму необходимо было обособиться от общего болота. Автор называет это «процессом редукции» или «попыткой разложить арабский национализм на отдельные составляющие, остро ощущающие истинную цену реальной независимости». Палестинцам потребовалось ждать 25 лет и потерпеть череду ужасающих поражений, худшие из которых были от рук арабов: в Иордании, Ливане и Кувейте. «Страны, которые громче всего высказываются в поддержку Палестины, относятся к палестинцам хуже всех», – гневно замечает Саид. Когда начиная с 1987 года интифада мобилизовала население непосредственно для борьбы против израильского контроля, она довольно быстро добилась как минимум ограниченного успеха. Широкое признание извне отнюдь не является для национально-освободительного движения лишним и незначительным бонусом – в каком-то смысле это его главная цель (даже если впоследствии и требуются подробные переговоры для решения вопроса о форме новой политической организации). К марту 1988 года, вспоминает Саид, можно было фактически констатировать победу, которая символически ознаменовалась встречей между ним самим, еще одним палестинцем-преподавателем вуза и госсекретарем США Джорджем Шульцем: теперь весь мир должен был услышать запрос на признание нации, которая отказывалась исчезать. Однако наслаждаться успехом было рано: ситуацию усложнили война в Персидском заливе и безрассудная поддержка Саддама Хусейна со стороны ООН.

По второму пункту Саид местами высказывается ужасно непоследовательно. «Это неправильно и до неприличия глупо», – признает он; но в то же время осуждает выступавших за мир израильтян, которые объявили это поводом для разрыва отношений: «Как будто в Палестине под израильской военной оккупацией все было просто отлично до войны в Персидском заливе». Это слабый риторический ход. Очень сомневаюсь, что

7 ИДЕМ. *The Question of Palestine*. New York: Vintage Books, 1979.

израильтяне так думали; просто правительство Ирака осыпало их ракетами (а также готовило новый, крупнокалиберный вариант «окончательного решения» еврейского вопроса).

«Ориентализм» представлял собой хлесткий анализ сконструированной метрополиями расистской белиберды. Но стремление нанести ответный удар и утвердить свою национальную идентичность всегда таит в себе опасность чрезмерно, вплоть до одержимости, сфокусироваться на объекте обличения. Удары кнута никогда не прекращают сыпаться (такое чувство возникает при чтении), мучительные раны на иссеченной спине никогда не затянутся. Частично все это объясняется особой ситуацией Саида. В Нью-Йорке ему приходилось ежедневно сталкиваться с представителями другой изгнанной интеллигенции – великолепно организованным израильским лобби. Возможно, не все европейские читатели представляют себе, насколько агрессивным и беспринципным может быть этот тип национализма – чтение «*The Politics of Dispossession*» просветит их на этот счет. Должно быть, это было все равно что раз за разом проживать Шестидневную войну.

Привкус одержимости, который ощущается в «Ориентализме», привел автора к конфликту с Эрнестом Геллнером⁸. Рецензируя развивающий тему «Ориентализма» труд под названием «*Culture and Imperialism*»⁹ в «*Times Literary Supplement*», Геллнер откровенно обвинил Саида в том, что тот «изобрел пугало под названием “ориентализм”» и слишком много всего приписывает его всепроникающему культурному влиянию:

«Между истиной и политической добродетелью нет никакой корреляции (ни прямой, ни обратной). Утверждать иное – значит быть виновным в том самом грехе, который Саид желает изобличить. Подобно дождю, истина омывает как правых, так и виноватых. Проблема власти и культуры, а также их сложных взаимоотношений во время великих метаморфоз нашего социального мира слишком важна, чтобы заниматься ею на поле литературной критики».

Наверное, Саиду это было как теркой по незаживающим мозолям. Скандал наделал шума. Он был громкий, но (как по мне) незаслуженно раздутый до масштаба якобы конфликта мировоззрений. По факту же резкость с одной стороны столкнулась с чрезмерной обидчивостью с другой.

У выпада Геллнера были две содержательные линии. Он обвинял Саида в том, что тот недостаточно четко разместил вы-

8 Эрнест Геллнер (1925–1995) – британский философ и социальный антрополог чехословацкого происхождения, профессор Кембриджского университета, автор влиятельных работ о проблеме исторического национализма. После «бархатной революции» в Чехословакии вернулся в Прагу, где возглавил Центр изучения национализма в только что созданном Центрально-европейском университете.

9 ИДЕМ. *Culture and Imperialism*. New York: Vintage Books, 1994.

бранную им культурную полемику в рамках более масштабного или эпохального контекста, а именно «перехода от аграрного общества к индустриальному», который издавна был излюбленной темой самого Геллнера. Лишенный достаточной степени теоретической ясности крестовый поход Саида против ориентализма слишком часто сводился к банальному оправданию и доказательству правоты его жертв. Если большая часть западных исследований и текстов о Востоке представляет собой заговор ориенталистов, тогда все надежды следует возлагать исключительно на тех, кого унижают, огульно классифицируют или же любят по надуманным причинам. Но беда в том, что в этом антиимпериалистическом лагере все довольно безнадежно: гнусь диктатуры, цензура, фанатичная религиозность и традиционализм несовместимы с какой бы то ни было модернизацией (под руководством Запада или же нет).

Стремление нанести ответный удар и утвердить свою национальную идентичность всегда таит в себе опасность чрезмерно, вплоть до одержимости, сфокусироваться на объекте обличения.

Я считаю, что по первому пункту Геллнер абсолютно прав. Саид не теоретик и редко располагает свои культурологические исследования в более широком историческом контексте. Совершенно верно, что прогресс должен был начаться в каком-то одном регионе мира. Глобального неравенства можно было бы избежать, только получив руководство из космоса от каких-то высших сил типа чудо-камней из романа Артура Кларка «2001». Прогресс мог бы разразиться, скажем, в Китае, и тогда некий атлантический эквивалент Эдварда Саида мог бы сейчас критиковать «оксидентализм» и всеобщее презрение к носу картошкой и прямому разрезу глаз, проявляемое в научном мире лакеями Пекина. Или прогресс мог бы (как и сами *homo sapiens*) нагрянуть из Африки. В этом случае и Саид, и Геллнер сегодня обрушивались бы на септентрионистские заблуждения о бледнокожих: пустые черепные коробки естественны для людей с недостатком пигментации, но их иррациональность просто очаровательна. В реальности же, по причинам, до сих пор не до конца понятным, прогресс зародился в странах евро-атлантического региона и дал группе розоволицых кланов преимущество перед остальным миром.

Насчет второго пункта я не так уверен. Из неравенства возник национализм, в том числе тот, который защищает Эдвард Саид, и, по-моему, в долгосрочной перспективе именно жертвы,

вероятно, могли бы лучше и точнее всего рассказать о том, что с ними произошло, а также о своей социальной и культурной истории до того, как случился скачок в развитии. Дождь истины всегда лил неравномерно. После упомянутого скачка, как и во время переходного периода, он будет распределяться не одинаково – в таком соотношении, которое, вероятно, ближе к справедливости в представлении противников ориентализма.

Проблема в том, что мы живем в краткосрочной перспективе. И здесь жертвам ориентализма и дальше будет крайне трудно чего-то достичь – кроме как в риторическом поле (что как раз и осуждал Геллнер). Так сложилось отнюдь не по каким-то субъективным и моральным причинам (как склонны полагать жертвы) вроде предательства, злокозненности и так далее. Виной всему институциональные факторы. Колонизированным и менее развитым обществам не хватает ресурсов для того, чтобы дать продвинутым обидчикам адекватный культурный ответ. И напротив, империалисты в избытке имеют профессорских званий, исследовательских институтов, хорошо финансируемых антропологов и литературных журналов (а также ракет и авианосцев). Наиболее серьезные исследования могут проводиться только от их лица, пусть даже их взгляд неизбежно рискует быть искажен недугом ориентализма. Чтобы получить представление о противоположной стороне и понять, о чем речь, не обязательно обращаться к Геллнеру – достаточно прочесть «The Politics of Dispossession» Саида:

«Во всем арабском мире нет ни одной приличной библиотеки. Чтобы изучать нашу собственную историю, культуру, литературу, нам все равно приходится ехать на Запад и учиться, склонившись перед ориенталистами, многие из которых открыто объявили себя противниками ислама и арабов. [...] [Но также с нашей стороны не было] никаких попыток вкладывать деньги в западные университеты для развития в них программ по изучению арабской и исламской цивилизации, что было бы *в наших же* интересах. Как ни посмотри, очевидно, что в мировом масштабе мы, арабы, – интеллектуальный и моральный люмпен-пролетариат».

Вот и выходит, что долгосрочная перспектива действительно долгосрочна: она предполагает комплексный процесс модернизации, который позволит арабам снять с себя этот статус «люмпен-пролетариата», а также выстроить государственные и гражданские институты. Для этого и существуют нации. Или по крайней мере лучшего способа достичь этих целей пока не было обнаружено. «Арабский мир, – продолжает Саид, – претерпевает преждевременную технократизацию», – по шаблону, заложенному его собственным отцом: пишущие машинки раньше демократии, так сказать, что ведет к господству жесто-

кой правой автократии, типичными представителями которой являются Саддам Хусейн и Башар Асад.

Однако арабский мир – это тоже часть проблемы, а не ее решение. Термин этот обозначает не конкретную нацию, а некий народ – в духе цветистых послеобеденных речей, столь любезных Уинстону Черчиллю: «англоязычные народы»¹⁰, слегка рассредоточившись, обзавелись представлением о собственной судьбе, сохранили определенные элементы общей культуры – и так и не смогли все это превозмочь. При Тэтчер некоторым из нас казалось, что это никогда не кончится. Ощущение, что на вашей стороне целый мир, – серьезное отклонение, что-то вроде националистического эквивалента мышечной дистрофии. Однако статус жертвы усугубляет искушение отдалиться от этого чувству, поскольку легко вообразить, что более обширные миры обладают спасительным потенциалом, недоступным отдельным нациям. Если же светская версия этой фантазии не оправдывает ожидания обездоленных, в игру может вступить еще более головокружительный сценарий: другой мир общей веры, в данном случае исламский мир. Впрочем, Саида нельзя обвинить в том, что его тянет в эту сторону. Его подход был и остается агрессивно светским:

«Мы должны рассматривать проблемы конкретно, а не оперировать беззаботными пустыми абстракциями, которые нередко доминируют в наших дискуссиях. Истинного воинствующего интеллектуала отличает, во-первых, его или ее стремление понять вещи такими, какие они есть в соответствующей методологической и политической перспективе, и, во-вторых, представление о своей работе как об активной деятельности, а не пассивном созерцании».

Этот рецепт борьбы также изложен в «Representations of the Intellectual», и сам Саид добросовестно соответствовал данным критериям в течение своей долгой деятельности в качестве борника палестинского национального движения. Среди интеллектуалов-националистов, которых я знаю или о которых читал, я не могу припомнить ни одного, кому бы менее подходило прозвище «профессор терроризма», которым частенько именуется Саида израильское лобби.

Тем не менее этот ярлык снова вернулся в употребление после того, как Саид осудил соглашение 1993 года между Арафатом и Рабином. Объяснение этому находим во введении и эпилоге к «The Politics of Dispossession». Во введении Саид рассказывает о своем разочаровании в руководстве ООП, нараставшем задолго до подписания соглашения. Больше всего многих читателей удивит описанный здесь практически без-

10 «История англоязычных народов» – четырехтомный труд Уинстона Черчилля, впервые опубликованный в 1956–1958 годах.

граничный, упрямый парохизм верхушки организации. По словам Саида, она вообще не имела представления о том, как функционируют политика и общественное мнение в США.

ТОМ НЭРН
НЕЖЕЛАНИЕ ИСЧЕЗНУТЬ

«В течение всего этого периода [1980-е] Арафат не боролся за расширение солидарности палестинцев на Западе, не укреплял сообщество сторонников палестинского национализма, которое ожидаемо состояло из либералов, диссидентов, женского движения и так далее. Вместо этого он и его соратники, похоже, искали на Западе покровителей, которые могли бы предложить им какое-то готовое решение. Эта донкихотская фантазия возникла из веры в то, что Соединенные Штаты функционируют так же, как, скажем, Сирия или Ирак: стоит лишь сблизиться с кем-то, кто близок ко всемогущему вождю, как тебе откроются все двери».

Когда дверь, наконец-то, приоткрылась, Арафат бросился внутрь. В 1985 году он сказал Саиду, что не намерен кончить тем же, чем до него – на более раннем этапе палестинской голгофы – кончил муфтий Иерусалима¹¹, «так толком ничего и не достигнув за десятки лет борьбы против сионистского движения». Теперь Саид обвиняет ООП в том, что она согласилась довольствоваться столь малым: крошечными куполами Газы и Иерихона на фоне «последнего неба» – наиболее стесненным пространством для маневра и организации самоуправления, которое только можно себе представить.

Ощущение, что на вашей стороне целый мир, – серьезное отклонение, что-то вроде националистического эквивалента мышечной дистрофии. Однако статус жертвы усугубляет искушение отдаться этому чувству, поскольку легко вообразить, что более обширные миры обладают спасительным потенциалом, недоступным отдельным нациям.

Но Саид в типичной для себя манере тут же сопровождает критику этих уступок практическими предложениями о том, как извлечь из ситуации максимальную выгоду, как расширить площадь автономии и превратить его страну, Палестину, в настоящее национальное государство. Старый сионистский лозунг построения нации – «еще один акр, еще одна коза» – он

11 Мухаммад Амин аль-Хусейни (1897/1895(?) – 1974) – лидер националистического движения палестинских арабов, в 1921–1937 годах – великий муфтий Иерусалима. Во время Второй мировой войны активно сотрудничал с нацистами, выступая в роли их главного пропагандиста в арабском мире. Родной дядя Ясира Арафата.

противопоставляет апокалиптическому энтузиазму, пропитывающему риторику арабского мира и ООП. В новых условиях, полагает он, палестинцам нужна собственная версия лозунга для национального строительства:

«Идея “ограниченной автономии” может привести к независимости, но с тем же успехом она может привести и к дальнейшему угнетению. В любом случае главная задача палестинцев состоит в том, чтобы знать и понимать общую карту территорий, оккупируемых израильянами, и затем разработать конкретную тактику сопротивления. (В истории колониализма карты всегда составляют победители, поскольку карты есть инструмент для завоевания; [...] географию [...] можно также обернуть на благо сопротивления, если иметь контркарту и контрстратегию)».

Контрстратегия эта не имеет ничего общего с тем, в чем некогда регулярно упрекали «профессора терроризма». Речь идет о программе национального строительства, предполагающей максимально эффективное использование тех немногих активов, которыми обладают палестинцы. Он утверждает, что у этого обездоленного народа, находящегося по сути в уникальном положении, есть одно преимущество, потенциал которого практически не используется: возможно, самая многочисленная, одаренная и рассредоточенная интеллигенция из всех, какими могли похвастаться любые национальные движения в истории. Сионизм является здесь очевидным историческим прецедентом; но надо учитывать, насколько еврейские интеллектуалы были разделены и насколько среди них были сильны антиссионистские взгляды вплоть до Второй мировой войны. Саид отмечает:

«Во всем арабском мире, Европе и Соединенных Штатах проживает необычайно большое количество одаренных и успешных палестинцев, которые внесли свой вклад в медицину, юриспруденцию, банковское дело, градостроительство, архитектуру, журналистику, промышленность, образование, подрядную деятельность. Почти все эти люди могли бы направить значительно больше усилий на поддержку палестинского национального движения».

Таким образом, должна оформиться новая национальная инициатива, качественно отличная от подхода как ООП, так и интифады. Это должен быть международный проект по построению национального государства, палестинцы должны найти «способы противостоять действительности с помощью собственных фактов и институтов и, наконец, способы отстаивать свое национальное присутствие демократическим путем и при участии масс». Другими словами, это курс на светский, демократический, институциональный национализм малень-

кой страны. Он в целом похож на еврейский национализм, но без сионистской составляющей. Кроме того, это фактически полная противоположность тому, за что выступали Саддам Хусейн, король Хусейн, президент Асад и (периодически) ООП: арабскому миру диктаторских режимов, жестокой паранойи, массового угнетения и (потенциально) теократических конвульсий. Неудивительно, что они так сильно ненавидят палестинцев: этот народ имеет уникальную историю лишений и угнетения, располагает мощной диаспорой и терпит нескончаемые страдания – вопреки и благодаря всему этому «палестинизм» (назовем его так) оказывается единственным лучиком политической надежды в арабском мире.

«Счастлива та страна, у которой нет героев»¹², – в наши дни это нередко подается как самоочевидная истина. Довольно сомнительно. Я скорее сказал бы, что счастлива та нация – или национализм, – от лица и в интересах которой выступают такие вот интеллектуалы.

Перевод с английского и примечания Марии Ермаковой

12 НэРН неточно цитирует реплику из пьесы Бертольта Брехта «Жизнь Галилея»: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях» (в переводе Льва Копелева); БРЕХТ Б. *Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: В 5 т.* М.: Искусство, 1963. Т. 2. С. 401. – *Примеч. перев.*